

К ДИСКУССИИ О ДАТИРОВКЕ ЕПИСКОПСКОГО АРХИТЕКТУРНОГО КОМПЛЕКСА В ВИЗАНТИЙСКОМ ХЕРСОНЕ

У статті спростовуються окремі спроби дослідників датувати будівництво єпископського кафедрального комплексу з найбільшою базилікою візантійського Херсона. Послання топографічного, історико-археологічного та архітектурно-археологічного підходів дозволяє датувати виникнення монументального комплексу кінцем, й переконливих підстав перегляду цієї давно відомої дати не існує.

Ключові слова: Візантія, Херсон, Церква, археологія.

Следы монументального сакрального архитектурного комплекса на северо-восточном берегу Херсона, самого значительного византийского центра Таврики, давно принято интерпретировать как остатки епископской резиденции с главной базиликой, крещальней и некоторыми другими сооружениями. Здесь разномыслия среди исследователей нет, чего не скажешь о привязке комплекса к известным из письменных источников “топографическим ключам” и о датировке здешних памятников. Разброс дат в данном случае достигает трех столетий и колеблется от IV до VII вв., причем не прекращаются настойчивые, однако мало обоснованные фактами, попытки свести время возникновения епископской базилики, известной специалистам как Уваровская или №13, ко времени первых епископов Херсона, к IV или V в. В ход при этом идут самые разные общенсторические, литургические, порой отвлеченные аргументы, оставляющие в тени главное – данные полевых археологических исследований, стратиграфии. В лучшем случае о них упоминают, но... как о не заслуживающих доверия. Поэтому есть все основания еще раз разобраться с этим вопросом и покончить со спекулятивными рассуждениями, в которых примат концепции ранней христианизации города явно довлеет над фактом.

Рассматриваемый сакральный комплекс Херсона был отстроен в относительно уединенном и вместе с тем импозантном, по выражению О.И.Домбровского, месте, недалеко от Главной и 2-й продольной улиц, на территории двух, более ранних жилых кварталов (IV и V), соединенных в один, площадью около 5000 м². На севере его ограничивал морской обрыв, на юге – III продольная улица, а на западе – 6-я поперечная. Находившиеся здесь до этого не храмы, а обыкновенные жилые дома с колодцами, многочисленными вырубными ямами и иными хозяйственными сооружениями, были разрушены, засыпаны и освободившееся пространство сnivelировано вплоть до близкой здесь поверхности подрубленной, выровненной террасами скалы под новую, на сей раз общественную застройку [1, 39; 2, 113-119; 3, 83-84, 86; 4, 36; 5, 305]. Стремление достичь скального грунта было присуще всем римским строителям-икодомам, поэтому в Херсоне они тоже не полагались только на случай в распределении святых памятников, а старались выбирать для фундаментов общественных, сакральных зданий прежде всего те места, где эту задачу было проще решить [6, 157-160]^{*}. Восточная, северо-восточная и северо-западная часть города идеально подходила для этого, поскольку слой земли здесь был минимальным, а ниже их лежало прочное скальное основание. Видимо, эти широкомасштабные работы были осуществлены не ранее последней трети – конца VI в., что совпадает с пиком “архитектурного бума”, прослеживаемого по всем районам города. Самое главное, в засыпи вырубного колодца грушевидной формы, над которым частично прошла западная, капитальная стена нартекса базилики, среди 112 монет оказалась медная херсонская монета того типа, который, как уточнила И.А.Завадская, выпускался в правление Юстина II (565-578) и вплоть до начала правления Маврикия (582-602). Нартекс связан общей стеной с восточной частью базилики и, значит, мы не имеем дело с поздней пристройкой или

^{*} В этом видится одна из причин, по которым приморские базилики 1935, 1932 гг., лишенные таких оснований, были возведены позже остальных, ко второй четверти - середине VII в., когда программа большого строительства шла к завершению и лучшие, с инженерно-архитектурной точки зрения места, уже оказались исчерпаны [7, 266-272]. Данное объективное наблюдение входит в противоречие с заявлениями о том, что сакральная топография, в том числе константинопольская, отвечала лишь “необходимости или предопределению” [8, 194].

перестройкой на данном месте. Это и дает надежный *terminus post quem* главному сооружению всего монументального архитектурного комплекса на северо-восточном берегу города. Доследования С.Г.Рыжов под участком западной стены аулы базилики № 23 в 1983 г. тоже позволили получить материал, в котором наиболее поздними были амфоры класса конца IV – конца VI вв. [9, 74].

Примечательно, что К.К.Косцюшко-Валюжинич счел необходимым подчеркнуть находки монет в колоде и капитальный характер стены, прошедшей над ним, после чего выделил шрифтом категоричное заключение: “базилика эта не могла быть построена ранее VII в.” [10, 80-81; 11, 305; 12, 160-161; 3, 83-84, 86]. Несмотря на непреложные аргументы, как уже сказано, до настоящего времени не прекращаются упорные попытки сдвинуть датировку базилики ко второй половине V в. (А.Л.Якобсон, Е.Ю.Кленина) и даже к IV в. (С.А.Беляев). При этом порой используются весьма странные аргументы, входящие в явное противоречие с общепризнанными критериями источниковедческой критики. К примеру, заявляется, что самая поздняя монета могла попасть “в уже засыпанный колодец”, поскольку он был “перекрыт стеной лишь на 1/3” и поэтому во внимание надо принимать исключительно монету Льва I из той же засыпи, которая указывает на “первый строительный период” [9, 74]. Кандидат богословия А.Пелин пишет, что поскольку в IV в. с епископом Капитоном в Херсонес прибыл отряд из 500 воинов-христиан, новую базилику надо было строить достаточно вместительной, а Уваровская базилика – наибольший храм города. Он сравнивает его с Латеранской базиликой в Риме, отмечая их “удивительное аналогичное сходство”, хотя подобное сходство обнаруживается и с множеством более поздних базилик. Следует также заметить, что поиск аналогий в данном случае вообще занятие не столь перспективное, каким может показаться. Еще более априорен другой аргумент: коль император Константин I “высочайше санкционировал построение больших базилик в важнейших провинциальных городах империи, в это число попал и Херсонес”. Забывается главное: Жития свв. епископов Херсонских сообщают о построении храма во имя апостола Петра, но доказательств, даже косвенных, того, что этот храм стоял на месте, где позже возникла Уваровская базилика, нет, как нет и оснований связывать ее с местом, которое херсониты по традиции называли Парфеноном и относили к восточной части города – *ta Theona* [13, 25; 14, 98-101]. Поэтому поспешно заявлять, что “...с таким отождествлением согласны все исследователи и разномыслия в этом вопросе нет” [15, 34; 16, 5-28; 17, 576-579, 598-599].

К научным курьезам следует отнести и попытки датировки храма, построенные исключительно на “методе литургического анализа”. Никто не спорит, что в различные периоды литургические и общественные потребности были различны и по разному пространственно организованы, но почему эти особенности могут служить для определения абсолютного, точного времени строительства именно Уваровской базилики, понять невозможно [18, 7-11]. Едва ли такую узкую датировку в отношении рождения этого памятника можно подтвердить с помощью литургических доводов. В лучшем случае они могут указывать все на тот же VI в., на который пришлась переходная форма базилик “эллинистического типа”, возводившихся с трехапсидной формой святилища, но с деревянными стропильными перекрытиями, как и в случае с интересующим нас храмом, построенным, очевидно, до того, как окончательно сформировалось использование такого святилища для проведения литургии с Великим и Малыми Входами [19, 36; 8, 178-179].

Занимавшийся исследованием Уваровской базилики, О.И.Домбровский представлял строительство церковного архитектурного комплекса на Северном берегу в следующей последовательности: сначала в V – VI вв. была возведена малая базилика с триконхальной апсидой (храм “А”), потом, в VII в. рядом с ней, западнее, была построена большая базилика (№ 23), а затем и аула с галереями. Южная галерееобразная пристройка прямоугольной формы (примерно 30 × 5 м) появилась якобы не ранее X в., если исходить из находки монеты Василия I и осколков синего кобальтового стекла из растова каменной кладки южной стены базилики, когда был одновременно перестроен южный неф [20, 541; 21, 25; 22, 62]. Однако в этой схеме не принято во внимание наличие явно ранней, постюстиниановского облика кладки *opus mixtum* в южной стене галереи, которая могла подвергнуться позднейшей перестройке вместе с базиликой. На это же обстоятельство указывает находка во время раскопок графа А.С. Уварова заклада из 19 предполагаемых монет Романа I (920-944), если не монет с “ро”, в обширной яме (1,52 × 0,94 × 1,42 м) недалеко от престола храма [23, 163, 165; 24, 114 (“19 принадлежат к

царствованию Романа I, 2 не ясны и 1 восточная”)]*. Тогда же в центральной апсиде появился синтрон с епископской кафедрой, сложенный на глине и, вероятно, были произведены перестройки во дворе аулы, тоже датируемые находками монет Василия I и Романа I [23, 162, 166; 26, 16-17; 9, 74].

Кладка же *opus mixtum* галерееобразного сооружения состояла из четырех рядов плинфы размерами 0,24 x 0,17 x 0,03 м с мощным слоем раствора с цемянкой между кирпичами, толщина которого достигала 0,07 м и более чем в два раза превосходила толщину кирпича, что может служить указанием на ее постройку в постюстиниановское время, но не позже [27, 155-156, прим.1; 21, 17]. На одновременность возведения этой “галереи” и большой базилики указывает устройство водосборных колодцев, вырубленных в скале рядом с ее дверями, ведшими на внешнюю площадь и в южный неф. К внутреннему колодцу шел вырубленный в скале вдоль всей стены узкий и мелкий канал, не нужный в том случае, если бы колодец находился не в помещении [10, 83-84, рис.33]. Кроме того, расположение баптистерия (№ 24) и малого базиликального храма “А”, несомненно, уже существовавших в VII в., показывает, что их строители учли при общей планировке участка соседство стен южной “галереи”.

Сравнительно небольшой трехнефный базиликальный храм “А” с северной стороны продольной улицы и к востоку от баптистерия (№ 24), судя по его триконхальной апсиде, возможно, имел характер поминальной церкви или молитвенного дома – мартирия, не исключено, связанного с именем св. муч. Прокопия, священник которого, Соломон, как известно из Слова на перенесение мощей преславного Климента, участвовал в 861 г. в благочестивой экспедиции, отправившейся к пристани от соседних терм (“от теплых идоша”) [28, 128, гл.3; 29, 48-49.]. Эту базиликальную постройку в 7,2 м от юго-восточной оконечности Уваровской базилики и в 9,3 м от октогонального баптистерия (№ 24) большинство исследователей считает одной из самых ранних, едва ли не IV – V вв.: выделяются ее укороченные, близящиеся в целом к квадрату пропорции (14,8 x 13,2 м), разделенные колоннами на три нефа, и крупная “трехлепестковая” алтарная апсида, такая же, как у херсонской базилики Крузе (№ 7) [30, 19-21; 31, 48-50, табл. III; 27, 194-195, рис.98; 32, 32 (А.В.Сазанов относит время этой “самой ранней постройки” к концу IV – V вв. и неверно представляет ее “на месте нынешней Уваровской базилики”)]**. Уже первые раскопщики обратили внимание на то, что “значительное отклонение осей храма “А” и баптистерия..., быть может, доказывают их одновременное сооружение” [30, 20]. По мнению А.И.Романчук, это произошло перед строительством базилики № 23 [34, 226]. Однако триконхальные церкви возводились не только в IV – V вв., но и в VI – VII вв., и в еще более позднее время, в том числе как монастырский тип [35, 86-87; 36, 3-14; 37, 266-267], поэтому не исключено, что храм “А” и базилика Крузе появились во время, близкое возведению комплекса Уваровской базилики [5, 75-76; 37, 266-267]. Это предположение подтверждается тем очевидным стратиграфическим обстоятельством, что триконхальная апсида храма “А” была сооружена над вырубленной в скале огромной рыбозасолочной цистерной № 52 (7,11 x 5,3 x 6,4 м), засыпанной, судя по находкам К.К.Косцюшко-Валюжинича, не ранее второй половины – конца VI в.***. Прочные стены этой цистерны были использованы как основание постройки – прием, к которому охотно прибегали ромейские строители-икодомы [6, 160]. Кроме того, вынужденно сжатые, почти квадратные пропорции храма, какие вообще появились в византийском зодчестве не ранее VI в. [38], объяснимы еще и тем, что он занял свободное место, остававшееся рядом с уже возведенными Уваровской базиликой и крещальней. Продвинуть его еще восточнее мешала линия, ограниченная алтарной апсидой храма-кафолика, а сместить западнее – близость главной апсиды баптистерия. Следовательно, храм “А” строился не в IV – V вв., а почти на век – два позже, скорее всего, в самом конце VI – начале VII вв., но уже после

* Обширные размеры, неправильная форма ямы, сдвинутость к югу от хорды алтарной апсиды не позволяют с уверенностью отнести ее к числу “отверстий для вложения мощей”, к тому же крестовидной формы [10, 75; 25, 54].

** К.К.Косцюшко-Валюжинич первым заметил, что новооткрытый храм был “совершенно одинаковой архитектуры с юго-восточным”, то есть базиликой Крузе [30, 18-21], хотя последняя имела гораздо более вытянутые пропорции (24 x 17,5 м.). Следовательно, можно говорить о некотором, да и то не полном совпадении плана этих сооружений (храм “А” квадратный, явно сплюснутый, а базилика Крузе прямоугольная, с нартексом; триконхи несколько различаются конфигурацией и пропорциями), но никак не о копировании метрики [33, 53-54].

*** Рядом слева находилась еще одна огромная цистерна (6,00 x 4,60 x 6,40 м), открытая в 1901 г. [30, 19; 31, 49-50; 34, 99, 226].

Уваровской базилики и крещальни, когда сакральный архитектурный комплекс, возникший на месте кварталов IV – V, принял почти законченный вид.

Подробности плана входившей в епископальный комплекс крещальни (№ 24) – роскошного октогона с купольным перекрытием и пятигранной восточной апсидой, такой же, как, возможно, изначальная главная апсида соседней базилики № 23, тоже подтверждают, что она не могла быть древнее последней. Некоторое расхождение в ориентировке, не бросающееся в глаза ввиду разности масштабов обоих сооружений, не говорит в пользу их одновременности, ибо баптистерии, входившие в епископальные комплексы, строили не обязательно в строгом соответствии с направлением алтарной апсиды кафедрального кафоликона. Решающим является обстоятельство, что серия монет, заложенных в предусмотренный проектом водосливной канал под купелью, завершалась монетой императора Маврикия [39, 74-80].

Следует особо подчеркнуть, что обширный комплекс на северо-восточном берегу возводился не на месте античных святилищ, а на месте более поздних снесенных усадеб и промысловых комплексов двух жилых кварталов. Этот участок уже в силу своего выгодного местоположения, действительно, не мог оставаться долгое время незастроенным, но в отличие от теменоса на приморской Восточной площади и верхней, большой агоры, не имел культового значения в античную эпоху [40, 413]. Следовательно, он не мог иметь ничего общего с унаследованным от времен язычества Парфеноном (*tou Parthenonos opomasmeneou topon*), упоминаемым в Житиях свв. епископов Херсонских как место, на котором стараниями епископа Капитона в IV в. были воздвигнута крещальная купель, а после нее, рядом, смежно храм апостола Петра [41, 16, 51-55, 62, § 17; 42, 112; 43, 78-79, 88].

Это обстоятельство, – отсутствие следов существования языческого храма-предшественника, то есть Парфенона, – неоднократно подчеркивал в своем отчете о дослідовании базилики К.К.Косцюшко-Валюжинич: “при расследовании ее до скалы не обнаружено ни малейших признаков большого здания древнейшей эпохи, а колодцы и иные хозяйственные приспособления прямо указывают на бывшие здесь обыкновенные жилые постройки” [10, 68, 81]. Уже по этой причине место, на котором была возведена Уваровская базилика (*basilika major*, “кафоликia церковь” агиографических источников IX – X вв.), никоим образом не могло увязываться в представлении херсонян с древним названием Парфенон и, значит, служить строительной площадкой для первого, самого раннего баптистерия и построенного к нему впритык легендарного храма св. Петра (*te kai naon...eponomati tou protou kai koryphaiou ton apostolon Petrou*). Отдельные единичные ордерные детали разных размеров и эпиграфические памятники по крайней мере от трех различных и разновременных языческих храмов (от III в. до н.э. до второй половины II – начала III вв. н.э.), сохранившие указание на наличие в античном городе храмов Партенос, Артемиды и Афродиты, попали на стройку новой большой базилики в виде обыкновенного, широко распространенного материала вторичного использования и могли быть принесены со стороны, как с ближней главной агоры, так и с бывшего теменоса на Восточной площади*. Ведь известно, что в нартексе храма близь двери, ведущей из притвора в храм, было вмонтировано в южную стену, вероятно, приношение какого-нибудь семейства херсонитов – мраморное надгробие с рельефной сценой загробной трапезы, которое украсили изображением крестов и снабдили греческой надписью *Kyree boethi ton oikon touton amen* («Господи, помоги всему этому Дому. Аминь») [44, 89-91, № 83; 46, 5-6, рис.10]**. Но, разумеется, это не значит, что до базилики на этом месте существовало кладбище первых веков н.э. Нет также оснований видеть более ранний храм в строительных остатках на месте баптистерия около Уваровской базилики, с чем согласны даже те исследователи, которые отождествляют последнюю с церковью, построенной по повелению епископа Капитона [16, 5-28; 15, 35]. Две мраморные ионические капители (одна с хризмой и мягкими листьями аканфа,

* У северной двери базилики в кладку стены был вделан ионийский архитрав с трехстрочной надписью второй половины II – начала III вв. н.э. о тратах 3000 динариев из казны агорономии на ремонт храма Афродиты; на четырех фрагментах мраморных колонн того же времени стояли имена херсонеситов – частных жертвователей и суммы пожертвований от 300 до 500 денариев; в засыпи, покрывавшей пространство главного нефа, оказался угол мраморного фриза от алтаря III в. до н.э. с надписью, упоминавшей Пасиада, сына Артемидора, царя-жреца Девы, а другой такой же фрагмент, но без надписи, был найден во время самых ранних раскопок лейтенантом Шемякиным – первооткрывателем базилики [см.: IosPE, I², № 440-446: 44, 91-93, № 84; 45, 18-19, 52-53; 10, 81; 46, 6-7; 47, 167, № 533, ил.211; 48, 198-206, 227, 249, 250].

** В.В.Латышев неверно датировал надпись не ранее X в., исходя из находок монет Романа I в закладе под алтарем храма [49, 23-26, № 12].

другая – с зубчатым аканфом) действительно могут быть отнесены к первой половине и середине V в. [50, 157, 162-164, Fig.83, 96], но и они могли попасть в декор храма Св. Апостолов со стороны, в виде вторичного материала, взятого из разобранного раннего христианского храма, того же первого храма апостола Петра на бывшем теменосе. Теоретически после Миланского эдикта христианская община Херсонеса могла обзавестись церквями или даже кафедральным кафоликоном, однако Жития свв. епископов Херсонских не случайно донесли сквозь века представления о трудном положении этой общины, сильной позиции “эллинов” в городе, убийстве первых епископов, что едва ли говорит в пользу даже скромного церковного строительства до окончательного утверждения здесь христианства в последней четверти IV в. [8, 175; 51, 546-549]. Отказ от признания этих обстоятельств означал бы нарушение одного из основных принципов источниковедческой критики – разрешать сомнения в пользу сомнения критика, а не в пользу источника.

Еще раз следует подчеркнуть, что оснований для вывода о двух строительных периодах базилики № 23 – в V в. и в конце VI в., как иногда предполагают, у нас нет [52, 49], как нет и оснований связывать находку монет в колодце под западной частью базилики только с ее позднейшими достройками и только в этой части здания. “Кафедрал Еферия” или даже более ранний, IV в., здесь можно размещать лишь гипотетически: зафиксированные следы хозяйственных построек, усадеб на этом месте не могут свидетельствовать о некой особой традиционной его святости, как полагает Л.Г.Хрушкова [8, 179-180]. Размещение на площади сnivelированных жилых кварталов V и VI самого большого кафолика города логично объяснить именно тем, что здесь хватало места для его постройки, тогда как более древнее и несомненно более святое место Парфенон, на бывшем языческом теменосе, где стоял легендарный храм апостола Петра, воздвигнутый по приказу епископа Капитона, такой возможности, при всем желании проектировщиков, дать не могло. Оно было в два раза меньше.

Источники и литература

1. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1903 год // Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический» (далее – Архив НЗХТ) – Д. № 12. – Л. 39.
2. Гриневич К.Э. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р.Х. Лепера // Херсонесский сборник. – 1930. – Вып.3. – С. 113-119.
3. Лосицкий Ю.Г. Про візантійські базилики Херсонеса // Археологія. – 1991. – № 2. – С. 83-84, 86.
4. Золотарев М.И., Ушаков С.В. Один средневековый жилой квартал Северо-Восточного района Херсонеса (по материалам раскопок 1989 - 1990 гг.) // Херсонесский сборник. – 1997. – Вып.8. – С. 36.
5. Завадская И.А. Христианство в ранневизантийском Херсонесе (по культовым памятникам). Дисс. ... канд. ист. наук / Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского. – Симферополь, 2000. – С. 75-76, 305.
6. Ousterhout R. Master Builders of Byzantium. – Princeton, – N.J., 1999. – P. 157-160.
7. Сорочан С.Б. Об источниках финансирования и причинах “архитектурного бума” в византийском Херсоне конца VI – начала VII вв. // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Материалы междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. проф. В.А.Шаповалова. – Белгород, 2004. – Ч.1. – С. 266-272.
8. Хрушкова Л.Г. Христианские памятники Крыма (состояние изучения) // Византийский временник. – 2004. – Т. 63 (88). – С. 194.
9. Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического / Под. ред. А.Б.Бернацки, Е.Ю.Клениной, С.Г.Рыжова. – Poznan, 2004. – С. 74.
10. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году // Известия имп. Археологической комиссии (далее – ИАК). – 1902. – Вып.4. – С. 80-81.
11. Завадская И.А. Некоторые проблемы датировки комплекса Уваровской базилики Херсонеса // Бахчисарайский историко-археологический сборник (далее – БИАС). – Симферополь, 1997. – Вып.1. – С. 305.
12. Романчук А.И. Херсонес XII – XIV вв.: историческая топография. – Красноярск, 1986. – С. 160-161.
13. Якобсон А.Л. Крым в средние века. – М., 1973. – С. 25.
14. Пелин А. Топография христианского Херсонеса IV – XIV века: Дисс. ... канд. богословия / Московская Духовная Академия. – Сергиев Посад, 2001. – С. 98-101.
15. Беляев С.А. Исторические предпосылки постройки кафедрального храма Херсонеса во время Константина Великого (Уваровской базилики – храма апостола Петра) // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 34.
16. Беляев С.А. О храме апостола Петра в Херсонесе // Церковные древности. VIII Рождественские образовательные чтения. Сб. докладов конф. (27 января 2000 г.). – М., 2001. – С.5-28.
17. Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000. – С.576-579, 598-599.
18. Гайдуков Н.Е. Уваровская базилика: еще раз к вопросу датировки // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф. – Севастополь, 2001. – С. 7-11.
19. Хрушкова Л.Г. Крещальни древнерусских храмов. К вопросу об истоках // Russia mediaevalis. – München, 1992. – Т. 7, 1. – С. 36.
20. Домбровский О.И. Средневековый Херсонес // Археология Украинской ССР. – К., 1986. – Т. 3. – С. 541.

21. Домбровский О.И. О хронологии "Базилики Уварова" // Историческое наследие Крыма. – 2004. – № 3-4. – С. 17, 25.
22. Домбровский О.И. Византийские мозаики Херсонеса Таврического / Под ред. А.Б.Бернацки, В.А.Кутайсова. – Poznan, 2004. – С. 62.
23. Уваров А.С. Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических находках в 1853 году. – СПб., 1855. – С. 163, 165.
24. Уваров А.С. Всеподданнейший доклад Его Величеству за 1853 год // Сборник мелких трудов А.С.Уварова. Т. 3. Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам. – М., 1910. – С. 114.
25. Гайдуков Н.Е. Отверстия для вложения мощей в престолах византийских храмов Херсонеса // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской междунаро. науч. конф. – К.; Судак, 2004. – С. 54.
26. Отчет за 1901 год // Архив НЗХТ. – Д. №10. – Л. 16-17.
27. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. – 1959. – № 63. – С.155-156, прим.1.
28. Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1911. – Вып.2. – С. 128.
29. Сорочан С.Б. О локализации храма св. Прокопия в византийском Херсоне // Культ святых мест в древних и современных религиях. VII Междунаро. Крым. конф. по религиоведению. Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2005. – С.48-49.
30. Отчет за 1904 год // Архив НЗХТ. – Д. №13. – Л. 19-21.
31. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 году // ИАК. – 1906. – Вып.20. – С. 48-50, табл. III.
32. Сазанов А.В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. дисс. ... докт ист. наук / МГУ. – М., 1999. – С. 32.
33. Юрочкин В.Ю., Джанов А.В. Церковная история Херсонеса V в. // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С.53-54.
34. Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000. – С. 26.
35. Архитектурное наследство Болгарии / С.Стамов, Р.Ангелова, В.Коларова, Н.Чанева-Дечевска. Отв. ред. С.Стамов. – София, 1972. – С.86-87.
36. Theodorescu R. A propos du plan triconque dans l'architecture du Sud-Est Europeen au Haut Mozen Age // Revue des etudes Sud-Est Europeennes. – Bucarest, 1976. – Т.14. – № 1. – Р.3-14.
37. Завадская И.А. О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таври (далее – МАИЭТ). – 2001. – Вып.8. – С. 266-267.
38. Чанева-Дечевска Н. Ранно-христианската архитектура в България IV – VI вв. – София, 1999.
39. Бертъе-Делагард А.Л. О Херсонесе. О Херсонесе. Крестообразный храм. – Крещальня. – Крепостная ограда // ИАК. – 1907. – Вып.21. – С. 74-80.
40. Завадская И.А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV - VI вв.) // МАИЭТ. – 2003. – Вып.10. – С. 413.
41. Латышев В.В. Жития святых епископов Херсонских. Исследования и тексты // Записки имп. АН. – СПб., 1906. – Серия VIII по историко-филол. отд. – Т.8. – № 3. – С. 16, 51-55, 62, § 17.
42. Страдание святых священномучеников и епископов Херсонских Василия, Капитона и иных с ними: Пер. с греч. В.Латышев // ИАК. – 1907. – Вып.23. – С. 112.
43. Житие св. епископов Херсонских в грузинской минее: Вступ. ст. В.В. Латышева, пер. К. Кекелидзе // ИАК. – 1913. – Вып.49. – С. 78-79, 88.
44. Мансвентов И. Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников. – М., 1872. – С. 91-93, № 84
45. Бертъе-Делагард А.Л. Древности юга России. Раскопки Херсонеса // МАР. – СПб., 1893. – № 12. – С.18-19, 52-53
46. Айналов Д.В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1905. – Вып.1. – С. 6-7.
47. Античная скульптура Херсонеса. Каталог. – К., 1976. – С. 167, № 533, ил. 211.
48. Пичилян И.Р. Малая Азия - Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. – М., 1984. – С.198-206, 227, 249, 250.
49. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. – СПб, 1896. – С.23-26, № 12.
50. Barsanti C. L'esportazione di marmi dal Proconesso nelle regioni pontiche durante il IV - VI secolo // Rivista dell'Istituto nazionale d'Archeologia e Storia dell'Arte. Serie 3. – 1989. – Т.12. – Р. 157, 162-164, Fig.83, 96.
51. Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсона в IV в. // МАИЭТ. – 1994 (1995). – Т. 4. – С. 546-549.
52. Pülz A. Die frühchristlichen Kirchen des taurischen Chersonesos / Krim // Mitteilungen zur christlichen Archäologie. – Wien, 1998. – Bd.5. – S. 49.
IosPE – Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. T.I. Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae, aliorum locorum a Danubio usque ad regnum Bosporanum. Edidit B. Latyshev. – Petropoli, 1916.

In the article objections against attempts are put forward to carry time of construction the bishop cathedral complex with largest bazylik of byzantian Cherson to IV - V centuries. A combination of topographical, historical and archaeology, architectural and archaeology approaches to the decision of this problem allow to date occurrence complex by the end VI - beginning VII centuries and convincing basis for revision by this date does not exist.

Key words: Byzantium, Cherson, Church, archaeology.